

Шэнь Юйхэн неловко отвел взгляд и поспешил накрыть юношу одеялом.

— Все нормально, все хорошо, — пробормотал он, пытаясь сгладить напряжение. — У всех бывают такие моменты.

Глаза Сяо Цзиня стали ледяными.

Для него небрежное отношение Шэнь Юйхэна — ведущего себя так, будто это было обычным делом, — служило доказательством его прошлого. В конце концов, до поступления во дворец у Шэнь Юйхэна было бесчисленное множество любовников. Кому как не человеку, принадлежавшему стольким многим, быть лучше знакомым с подобными «случайностями»?

Он хотел высмеять его, но смех застрял в горле. Сяо Цзинь чувствовал себя так, словно погрузился в ледяную купель.

Тем временем Шэнь Юйхэн, жертва колоссального недоразумения, действительно не ожидал подобного осложнения. До переселения все дети в его детском саду были крохами четырех, пяти, шести лет — совершенно невинными и заинтересованными только в играх. Сяо Цзинь все еще оставался «ребенком» в его глазах, но ему было семнадцать... самый пик юношеского созревания. Утренняя реакция была совершенно нормальной.

Лекарь Суй поспешил на зов, но раскрасневшийся Шэнь Юйхэн тут же выпроводил его. Он взял у лекаря свежую марлю и протянул ее Сяо Цзиню.

Сяо Цзинь взял ее и отвернулся. Шэнь Юйхэн наблюдал за ним, его губы приоткрылись, когда он замешкался, не решаясь заговорить.

— Сяо Цзинь, — наконец спросил он, тщательно взвешивая каждое слово, — вчера ты ходил в...

— Что? — Сяо Цзинь слегка повернул голову.

— ...Неважно, ничего. — Шэнь Юйхэн вздохнул. Сяо Цзинь был так тяжело ранен; обвинения лишь спровоцируют очередной приступ ярости.

В Зале Развития Разума эти глаза привели его в ужас. Но если подумать, у Сяо Цзиня были схожие черты с отцом и братьями; это мог быть любой из других принцев. Хотя... кто был бы настолько извращенцем, чтобы наблюдать за сном собственного отца? Это не укладывалось у Шэнь Юйхэна в голове.

Как только юноша закончил менять повязку и вернулся к своему обычному холодному, сдержанному состоянию, Шэнь Юйхэн позволил лекарям войти.

Группа врачей столпилась над раной, подтвердив, что она наконец-то пошла на поправку. Один старый лекарь шагнул вперед с резной шкатулкой из синего серебра.

— Это наша семейная целебная мазь, передающаяся из поколения в поколение, — сказал лекарь, протягивая ее Шэнь Юйхэну. — Наносите ее трижды в день, как только рана затянется; она творит чудеса со шрамами.

Рана Сяо Цзиня была глубокой. Даже под марлей было ясно, что шрам останется значительным. Будь то дети, которых Шэнь Юйхэн когда-то учил, или принцы в этом дворце, все они были избалованными сокровищами без единой царапинки. Сяо Цзинь был так молод, и все же у него должен был остаться такой ужасающий след.

В течение следующих нескольких дней пугающая рана наконец начала затягиваться. Как только она достигла той стадии, когда можно было наносить мазь, Шэнь Юйхэн достал баночку.

Естественно, Сяо Цзинь сопротивлялся. Он не хотел, чтобы Шэнь Юйхэн даже приближался к нему, но в этом вопросе Шэнь Юйхэн оказался удивительно тверд.

— Если ты не будешь ей пользоваться, неужели ты и правда хочешь остаться со шрамом?

— Мне все равно, — бесцветным тоном отозвался Сяо Цзинь.

— А мне нет, — парировал Шэнь Юйхэн. — Когда в будущем ты возьмешь себе жену, такой огромный шрам напугает бедняжку.

Жену? Сяо Цзинь издал тихий, сухой смешок. Шэнь Юйхэн, казалось, понял, что выразился не совсем удачно, и откашлялся.

— Когда ты женишься... это одно и то же.

Его палец, покрытый мазью, осторожно коснулся все еще багровой линии на животе Сяо Цзиня. Юноша, который уже был готов насмеяться над ним, внезапно напряг поясницу и замолчал. Он смотрел сверху вниз на Шэнь Юйхэна, который склонился над кроватью, сосредоточенно изучая его тело.

Сяо Цзинь прикусил губу до металлического привкуса крови, используя боль, чтобы подавить предательскую реакцию своего тела. Шэнь Юйхэн, видя отсутствие сопротивления, подумал, что его лекция о «женитьбе» сработала. Но прежде чем он успел почувствовать гордость за себя, он увидел, что это самое у Сяо Цзиня... снова...

Шэнь Юйхэн замер и резко отдернул руку. Юношеское созревание — это нормально, но это уже чересчур...

И хотя реакция была не у него, его лицо покраснело как свекла. Он встал, неловко изображая неведение, и пулей вылетел из комнаты. Сяо Цзинь сжимал простыни до тех пор, пока его ногти не впились в ладони до крови.

По сравнению с унижением Сяо Цзиня, неловкость Шэнь Юйхэна была сущим пустяком. Сяо Цзинь ненавидел небрежные прикосновения Шэнь Юйхэна, но реакцию собственного тела он ненавидел еще больше. Он хотел разорвать собственную плоть.

□Хозяин! Вы снова активировали какой-то странный сюжет? Почему я перешла в спящий режим?□ — вернулся голос Системы.

— Ничего я не активировал! — запинаясь, ответил Шэнь Юйхэн.

В этот момент к нему подбежала запыхавшаяся, сияющая от радости Цзяобай:

— Господин! Хорошие новости! Его Величество разрешил генералу Шэню войти во дворец! Он ждет снаружи!

Шэнь Юйхэн подскочил.

— Какому именно генералу Шэню? — И его отец, и старший брат носили этот титул.

— Первому молодому господину!

Шэнь Юньцзин, Великий генерал (Динъюань). В восемнадцать лет он отвоевал у гуннов несколько городов. И именно он спас Сяо Цзиня в приграничных землях.

Шэнь Юйхэн велел Чжоу Юаню поддержать его и поспешил к выходу. Он нервничал. Почему? Потому что его старший брат Юньцзин был гомофобом.

Первоначальный владелец тела никогда не скрывал своих предпочтений к мужчинам, но он никогда не смел приводить их домой. Он знал крутой нрав своего брата. Однажды какой-то поклонник околачивался возле поместья Шэнь; в итоге он, весь в синяках, оказался подвешенным к стропилам таверны, слишком напуганный, чтобы спуститься.

Юньцзин был человеком железной воли, презиравшим «распутное» поведение между мужчинами. Он был единственным членом семьи, которого первоначальный владелец по-настоящему боялся. С чего бы ему вдруг приходить во дворец?

Снаружи дворца Цинчжо молодой генерал стоял на холодном ветру, словно крепкая сосна, укутанный в лисий мех. От его присутствия окружающие евнухи казались муравьями. Он прождал уже полчаса.

Обычно семья супруга должна была подавать прошение за несколько месяцев вперед. Но евнух Фан посоветовал ему обратиться с просьбой, отметив, что поскольку супруг Шэнь сейчас в фаворе, Император, скорее всего, согласится. Он был прав; Сяо Хуай немедленно дал разрешение.

Юньцзин провел большую часть своей жизни на границе и в общей сложности пробыл со своим младшим братом около шести месяцев. Тот был избалованным, скандальным недоразумением, и для Юньцзина это было настоящей головной болью. Он был против того, чтобы мальчик входил во дворец в качестве мужчины-наложника, но не мог ослушаться императорского указа. Теперь же, когда его брат стал самым любимым супругом, в сердце Юньцзина сплелся клубок противоречивых эмоций.

Императору было сорок три — больше, чем двум Шэнь Юйхэнам вместе взятым. Даже если его брату нравились мужчины, неужели он не мог найти кого-нибудь получше дряхлого, выжившего из ума Императора?

Двери открылись, и появился молодой человек в лунно-белом шелке. Увидев его чистое лицо без макияжа, Юньцзин замер на несколько секунд. Он быстро пришел в себя и опустился на одно колено:

— Приветствую супруга Шэня.

Шэнь Юйхэн поспешил помочь ему подняться. Он был потрясен, коснувшись его руки — она казалась отлитой из свинца, твердой и тяжелой. Если этот человек ударит кого-нибудь, тот точно умрет.

Пока он помогал ему подняться, незажившая нога Шэнь Юйхэна отозвалась резкой болью. Юньцзин нахмурился и посмотрел на него как на провинившегося новобранца:

— Ты вывихнул лодыжку? Как?

— Был неосторожен.

— Когда?

— ...

Юньцзин сверлил его взглядом, излучая властную ауру:

— Я спросил: когда ты ее вывихнул?

Шэнь Юйхэн пробормотал себе под нос несколько слов, чувствуя давление.

— Громче! — рявкнул Юньцзин своим командирским тоном.

Шэнь Юйхэн слегка повысил голос:

— ...Во время... милости... в постели...

Шэнь Юньцзин:

— ...

Он выглядел так, словно прочитал в воздухе гигантский заголовок: КАК МИР МОЖЕТ БЫТЬ НАСТОЛЬКО ПОРОЧНЫМ!

<http://bllate.org/book/17965/1727291>